

о Желоховцеве

В ПОХОДАХ И БОЯХ

В первые дни войны тысячи лучших представителей интеллигенции нашей столицы заявили о своем желании добровольно вступить в ряды защитников Родины. Всего в Москве в течение четырех дней было сформировано 12 дивизий народного ополчения, в которых насчитывалось около 120 тысяч бойцов и командиров. После короткого обучения и принятия присяги отдельные дивизии Московского ополчения получили боевое крещение. Первой, в августе 1941 г., приняла участие в боях 6-я дивизия народного ополчения Дзержинского района. В составе 24-й армии она участвовала в прорыве вражеской обороны в районе Ельни.

Аспиранты и преподаватели МГУ составили полк Краснопресненской дивизии народного ополчения. Большинство добровольцев МГУ вошло в состав артиллерийского полка. Накануне перехода гитлеровцев в наступление на Москву, южнее автострады Минск-Москва оборонялась 8-я дивизия народного ополчения Краснопресненского района. Действуя в составе 32-й армии Резервного фронта, она занимала оборону в районе Дорогобужа.

Как только противник прорвал оборону 19-й армии, прикрывавшей магистраль, дивизия была переброшена в район восточнее Ельни. Здесь, в районе деревень Лозино, Белый Холм и Уварово, она 4 октября приняла свой первый бой. Краснопресненцы стояли насмерть в героическом бою против пехоты и танков 15-й моторизованной дивизии фашистских головорезов. На этом участке обороны гитлеровским "непобедимым" мотогренадëрам не удалось продвинуться к Москве. Как потом узнали из фашистских архивных документов, 15-я моторизованная понесла такие потери, что вынуждена была отойти на переформирование.

Бой был жестоким и многодневным, ополченцы потеряли много боевых друзей. За героические действия во время битвы под Москвой и в последующих сражениях дивизиям народного ополчения Ленинградского, Куйбышевского и Киевского районов было присвоено звание гвардейских.

Анатолий Николаевич Желоховец вступил в ополчение в иколе 41-го. Он был кандидатом наук, признанным специалистом в своей области и вел большую ответственную работу как заведующий отделом энтомологии Зоологического музея МГУ, где сосредоточены научные коллекции насе-

комых, имеющие мировое значение. Он был тихим, скромным человеком некрепкого здоровья, но им всегда руководило чувство долга и он стал солдатом. За участие в войне он был награжден орденом "Красной Звезды", медалями "За оборону Москвы" и "За победу над Германией в Великой Отечественной войне 1941-1945 гг."

Из личного листка по учету кадров на А.Н. Желоховцева:

VII-IX.41 — рядовой 975 артполка 8-й Добровольческой Краснопресненской стрелковой дивизии, центральный фронт;

X-XII.41 — рядовой I-й гвардейской мотострелковой дивизии, центральный фронт.

II-X.42 — рядовой 8-й стрелковой дивизии, 310 стрелковый полк, Орловская область.

XI.42-V.43 — курсант Сумского Арт.училища, г. Ачинск.

З. II.43 — последнее время находился в стационарном госпитале в Усть-Каменогорске.

VI.43-VII.45 — командир отделения Военно-санитарного Противоземлемотряда № 218, юго-зап. фронт, 3-й Украинский фронт.

VIII.45-V.46 — старш.лаборант II Санэпид.отряда, вжная группа войск.

Уволен в запас в чине старш. лейтенанта адм. службы.

А.Н. Желоховцев написал две заметки в стенгазету Зоомузея. Одну из них он назвал так —

"Моя военные дороги".

Наш 975-й артиллерийский полк формировался в школе у Краснопресненской заставы. Вместе со мной из музейцев был Николай Алексеевич Гладков и Владимир Константинович Федулов. Через несколько дней, пешим строем отправились в Опалиху. Здесь начались военные занятия. Жили в шалашах в лесу. Вскоре отсюда мы перебазировались под Рузу, где несли службу по охране военных складов. Получив машины, мы двинулись на запад. Надолго остановились на левом берегу Днепра близ Дорогобука. Отсюда нас перебросили в район Ельни. Во время боя я был с командиром нашей батареи на наблюдательном пункте стрелкового полка, которому мы были приданы. К вечеру был получен приказ отходить на восток. И я вместе с другими батарейцами очутился в запасном полку в Апреловке.

Отсюда я попал в 175-й мотострелковый полк. Он занимал оборону по реке Наре в Нарофоминске. В 42-м году я был направлен в 310-й стрелковый полк, с которым участвовал в боях местного значения в Орловской области. В декабре 42-го меня отправили в Сумское артиллерийское училище, в Ачинск, откуда по болезни попал в госпиталь в Усть-Каменогорск. В мае 43-го года был откомандирован в распоряжение Военно-санитарного управления для использования энтомологом при борьбе

— 3 —

с переносчиками инфекционных болезней. С противо-эпидемическим отрядом я пересек всю Украину от Беловодска на востоке, через Днепропетровск, Кривой Рог, Николаев, до Одессы. Далее пересекли Молдавию, Румынию и вошли в Болгарию и Венгрию. Конец войны застал меня в Маттерсбурге в Австрии под Веной. После окончания войны, год я пробыл в оккупационных войсках в Румынии, в Констанце. В мае 1946 г. я вернулся в Зоологический музей".

А вот — вторая заметка:

"Зимой 41-го под Нарофоминском."

Наша часть занимала оборону в Нарофоминске, и минометная рота, в которой я служил, располагалась в городском парке. Шагах в тридцати от нас, на склоне к речке Наре, проходила передняя линия окопов. На противоположном берегу окопались немцы. В землянках мы отдыхали, несли караульную службу, а время от времени, со своим командиром, забрав наши портативные минометы, мы шли вести обстрел вражеских позиций. Выбирали место скрытое от взоров врага, и выпустив 5-10 мин, переходили на другое место. Так проходило 2-3 дня, после мы возвращались "домой", в землянки, а другое отделение шло вместо нас.

Но вот, в первых числах декабря, небольшую группу наших минометчиков направили в помощь пехотинцам, которые должны были занять одну из деревушек и выйти на дорогу, ведущую к Минскому шоссе. Утром рано, как только рассвело, мы вышли из поселка. Впереди, километрах в двух была видна деревушка, которую нам предстояло занять. Справа открытое место, а слева жиденький лесок в пойме Нары. По лесу и пошло подразделение автоматчиков во главе с замполитом, нам же предстояло идти вдоль шоссе по кивету. Стояли сильные холода и мы были очень тепло одеты: валенки, две пары ватных брэк, по два ватника, а сверху шинель. У нас у каждого было по две гранаты, запас патронов и винтовка с прикинутым штыком. В такой экипировке сгибаться было очень трудно и мне частенько доставалось от командира, который требовал, чтобы я пригибался ниже. Нас поддерживали оставшиеся в роте товарищи, слышно было как через наши головы свистели мины и потом рвались в деревушке. Всю дорогу слева звучали трели наших автоматчиков. Идти было не скучно. Не потеряв ни одного человека, мы вошли в деревушку, которую враг оставил и живых немцев в ней уже не было. Так мы выполнили задание командования."

А.Н. пишет об этом так, как будто все было действительно легко и просто, а на самом деле, в один из таких выходов, минометный расчет был обнаружен противником, завязалась дуэль и только меткий

выстрел нашего расчета предотвратил гибель.

А.Н. пришлось изведать и жаркие бои, и окружение, и горечь отступления, из которого он вышел, не бросив своего орудия, и многие тяготы и беды солдатской жизни. Причем, среди солдат он был "стариком", так как ушел на войну 38-ми лет, со скрытым хроническим заболеванием, и ему было гораздо труднее, чем молодым и здоровым.

Л.В. Зимина